

Ведунья – почти сказки.

Славянское фэнтези

Было это в те стародавние времена, когда Макошь была людям Матушкой, а не мачехой. А Перун строгим Батюшкой. Худо ли бедно ли, но растили они своих детей, и не переводился, род людской. В лесах было много дичи, в полях зрел ячмень, просо и лен. В озерах и реках плескалась рыба. Звалась та сторона Полесье.

В дремучих северных лесах, укрытых от злого ока, вековыми соснами, у реки Живки стоит деревня Живаево. Славна она родом Клестов, а род сей славен землепашцами, охотниками, ткачами, гончарами.

Предок их, Жит, высадился на берегах славного озера, и закипела работа. Лес рубил, строил с с родичами дом, и поля к посеву готовил. Сеяли, просо, пшеницу.

Сказ о праотце Клесте и боге Велесе.

«Живет в небесном чертоге бог Велес, пасет скот, неисчислимы его стада, разводит пчел и мед собирает. И вот прослышал он, что в лесу у Велесова озера, мед какой то особенный есть. Захотелось Велесу отведать лесного меда, да и матку – пчелиную, к себе в сады священные Ирия, забрать.

Обратился он медведем косматыми, и в лес явился. Походил косолапый по опушке, присмотрелся, куда пчелиный рой от цветов летит, так и нашел дерево заветное, с кладовой медовой. Не спеша до дупла добрался, и лапу засунул, а полно дупло душистого, первого меда. Довольно урча стал медведь-Велес мед черпать, да причмокивать. И остановиться не может. А на ветку рядом села птица клест, мед с лапы у медведя течет, а клест знай себе на лету капли ловит.

И вдруг как взвояет хозяин леса громовым голосом.

Сладость медовая на больной зуб зверю угодила, скатился медведь с сосны, и ну от боли по траве кататься. Все звери и птицы в лесу приутихли, страшен батюшка медведь в гневе и отчаянии.

Один клест, хоть и малая птаха, а не пугливая, подлетел к медведю и ну спрашивать: «Отчего ты батюшка-Медведь плачешь, отчего весь народ лесной пугаешь?»

- Зуб у меня от сладкого заболел, пожадничал я, лишку меда хватил, что теперь будет, уж и не знаю.

- Да ты не бойся, помогу я твоему горю.

- А что за помощь попросишь, плату какую?

- Ничего мне от тебя не надобно. Открывай пасть пошире.

Открыл медведь пасть, а клест своим клювом скрещенным и вырвал зуб наболевший.

Повеселел медведь да и обратился снова Велесом,

Смотрит птица клест, и видит, на поляне не медведь косолапый, а парень молодой, в шкуру наружу мехом облаченный, перехвачена та широким

кожаным поясом – «чересом». На поясе висел калита – кожаный кошель. В калите Велес хранил земные блага, а в чересе – духовные.

- Ай да клестушка. Хочешь, одарю тебя мешками с семенами еловыми, за доброе твое сердце.

- А зачем мне такие подарочки. Все, что Сварогом дадено в лесу растет, то и мое. Куда хочу, туда лечу. И черес свой не предлагай, с духовными благами, не сули мне, ибо нельзя их получить извне, можно только в душе своей вырастить.

- Ай да птичка – невеличка. За отвагу твою и бескорыстие, быть тебе покровителем славного рода, таков мой тебе наказ, Род тебе поклоняться будет, а ты им помогать. А имя твое дети Дажьбоговы носить будут. Да будет до скончания времен.

С тем и ушел к себе в небесное царство Правь Велес.

Слышал весь этот разговор желтобрюхий полоз, стал корить клеста: «Мол, мог бы сытым всю жизнь быть, в теплом гнезде жить, а все упустил, да еще о других заботиться теперь должен!»

И ответил ей клест:

«Сытым я буду лишь до смерти моей, но детей своих не смогу научить пищу себе добывать. Из теплого гнезда дети через год улетят, но как я научу их гнезда строить, если сам не строил. А добро, которое я принес людям, в веках останется. И тепло, которое я им подарю, меня самого же и согреет».

Потому-то клест и не улетает на зиму.

Вот откуда род и пошел Клестов».

Неждана

Был в тот год великий Холод и мор. И погибло безвременно много людей и скота, а родилось всего двое: Девятко хроменький и она, Неждана. Многие про нее так и рассказывали: Жили старик со старухой. И не было у них деток. Пошел, раз зимой старик во двор и слепил себе из снега дочку, и назвали ее Нежданой.

Прочитали над дочкой оберег от сглаза и стали растить, пусть не в богатстве, но в любви.

Во Имя Сварога, Перуна и Велеса!

Кровь предков чистая, Сила Небесная!

Обереги, сохрани Внучку Дажьбоже, Неждану

От всякого глаза, от худого часа,

От женского, от мужского,

От детского, от иного,

От радостного, от ненавистного,

От наговорного, от переговорного!

Да будет так! Гой!

Мать ее и отец людьми были старыми, хворыми, поэтому кормились от рода. Сидели в общинной избе на самом краю, и Неждана с ними. Была она молчуньей, и от того детьми нелюбимой, а взрослые, глядя в ее зеленые

глаза, только качали головой. Слишком уж взрослые глаза у ребенка. И еще порицали ее родителей - «что это дочь ваша, в лес ходить не боится одна. Пойдет с подружками, а вернется одна, к сумеркам. У всех лукошки грибов ягод полны, а у Нежданы цветочки одни».

Больше всего, нравилось Неждане, бегать на берег реки Живки, когда проплывали по ней струги княжеские. Казались ратиборцы приезжие, словно из сказов мамкиных прибывшими. А однажды даже видела на струге ратном девушку – воина. С огромным луком. Детей всех попрятали по избам, одна Неждана на берегу стояла. Подошла к ней дева-воин и заглянула в глаза, а потом сняла с себя оберег серебряный в виде колеса Перунова, и одела девочке на шейку.

«Вальктрия, Валькирия» - позвали деву со струга. И улетела она словно сказочная птица Гамаюн. В дальние неведомые Неждане дали. С этого дня неясная тревога поселилась в девочкином сердце. И каждую весну бежала она к реке, но не приплывала больше Валькирия.

Молила Неждана Перуна, чтобы защитил он в бою деву – воина, и от стрел вражеских, и от копий.

На двенадцатую ее зиму, мать и отец в избе умерли от угара.

Справили по родителям тризну, девять дней, и выставили Неждану в общинной избе на смотрины. И как водиться спросил староста Путимир: "Де кто хочет взять замуж".

И хоть одарила младшая дочь старосты девочку искусно вышитой поневою, никто не позарился на недокормыша, чья краса то и была только в светлых пушистых волосах. Все молчали. Вдруг выступил вперед колченогий Девятко и звонко на всю избу изрек: «Я жениться хочу!»

Вот уж потешил честной народ, но смолк быстро смех, ибо выступила вперед ведунья Поведа. И поднесла дары за девочку: кувшин медовухи и мешок со шкурками горностаевыми. Не ждал уж староста Путимир, что так все удачно устроиться. А дочь его Преслава, горько плакала, прощаясь с Нежданой.

В самой девочке страха не было. Был стыд от такого срамного стояния, у всех на виду. И хотелось только скорей спрятаться от всех.

Как пришли, пробрались в чащу заповедную, сожгла ведунья одежды, даренные, и одела девочку по-чудному. В шаровары меховые, словно воинов-детинцев и рубашку длинную. А сверху душегрейку без рукавов. Не дала только девочка оберег Валькирии с себя снять.

Сказала Поведа, кидая одежду в костер: "Прежняя жизнь твоя закончилась, теперь имя тебе Оленюшка".

Кормила и поила старуха девочку сытно. Работать особо не заставляла. В дела свои тайные не посвящала, а все сказки сказывала. Про то, как дочь мать извести хотела, из-за любви к отчиму, или как парни или девки любовь к себе привораживают. А страшнее всего было о чревоудительстве речь. Как грехи покрывают, те, что от любви бывают.

Но Оленюшке больше сказки полюбились добрые, особенно о Морозко и Елочке.

«Сказка о Морозко , ягоде клюкве и любви.

Всю эту историю даже старожилы Полесья забыли, а помнят только лесные жители - русалки, кикиморы и лешие.

В стародавние времена в чаще бил родник Жизни. Старикам он давал молодость и здоровье, а молодым красоту.

И вот поздней осенью в полужимник, пришел к роднику сам Морозко-воевода, сил набраться на долгую зиму. Окунулся в родник дедушка, борода лопатой, а вышел на бережок добрый молодец с кудрявой бородкой. Надел Морозко кафтан расшитый жемчугом, да , и решил на отражение свое полюбоваться. А тут на беду медведь в те места забрел. Потревожили сон его зайцы-русаки. Известное дело, кто добрым будет, коль спать не дали. Подслеповат был хозяин лесной ,да еще и злоба глаза застила . Стреб в охапку зверь Морозко, и ну ломать. Да только родник Жизни подарил не только красу воеводе , но и силу молодецкую. Справился удалец со зверем голыми руками, а вот сил с себя скинуть тушу медвежью, уже не осталось. Так и остались они, лежать на поляне, в смертельных объятьях.

Пришли к роднику дочери Батюшки Водяного, да страхе убежали русалки, от чудища лесного.

А ближе всего к роднику Жизни росла Елочка, зеленая красавица. Зима еще только вступала в свои права, и оттого не иссякла еще в деревце жизненная сила. Душа ее превратилась в девицу –красавицу,и вышла из ствола древесного.

Схрабрилась она и позвала дядюшку Лешего, тот всегда народу лесному помогает. Освободили вдвоем Морозко от зверя. Увидела она, как блеснули в солнечном свете кудри золотые. Залюбовалась Елочка красотой молодца, и оторвала на память пуговку с кафтана ,с камешком –изумрудом.

А потом принесла водицы живой и омыла раны молодцу. Вздохнул Морозко, застонал и открыл глаза. Взглянула в них красавица, и пропало девичье сердечко. Глаза у парня, были синее самого синего неба, и глубже самого глубокого омута.

- Здравствуй, Морозко - воевода.

- И ты, дева лесная , здравствуй.

- Живи сто лет воевода.

- И твоему батюшке Лесному царю, того же ,и тебе девица.

Поклонились друг другу, да на том и расстались.

И часто стали раздаваться на берегу родника , песни девичьи. То пела Елочка о своей любви к воеводе – Морозко.

А уж Зима снегами лес укрыла ,блестят на хвойных ветках звезды – снежинки. Поет Зимушка песню колыбельную ,волшебную. От той песни протяжной, засыпают души деревьев зачарованным сном. Но даже самой лютой зимой дышит ель иголочками, пьет из земли воду. Уснули все деревья в лесу, одна Елочка уснуть не может, тоскует по добру-молодцу Морозко.

Разъезжает Морозко на тройке белых коней по лесам и долинам. Смотрит за порядком на озерах и реках. Дарит зверю лесному новые шубки,а народу

лесному объявляет волю свою: «Ищу невесту себе ,княгиню молодую. Честную и добрую, мастерицу и рукодельницу. Та, что к роднику Жизни сумеет прийти в назначенный срок, в жены возьму, и одарю хоромами и сундуками с самоцветами»

Поскакали зайцы по полянам, белки по просекам. На просеке ,сороки – белобоки новость подхватили ,да на хвосте по деревням разнесли, от избы к избе.

Запрягала сани воеводина дочь. Дружину батюшкину с собой брала. Да только Лесной царь все деревья в лесу на помощь позвал. Как зашагали лесные исполины на дружину, те и убежали из лесу.

Запрягала сани боярская дочь, да ехала в леса дальние. Но дальше бурелома не уехала.

Надевала лыжи охотничья дочь, так - ту дядюшка Леший три дня по лесу водил, да так снова к дому и вывел.

А Елочка, прослышав о воле ,Морозко объявленной, поспешила за тридевять земель , на поклон к Ведунье.

- Да на что тебе сундуки с самоцветами ? – спросила ее ведунья.

- Да не нужны мне самоцветы, у Батюшки моего их не меньше. Полюбился мне Морозко за очи свои синие, да речи уважительные. За то, что Лес бережет, и радость всем дарит.

Выпила лесная дева зелья колдовского, и стала, живой девушкой с русой косой, засияла, такой чистой и теплой красотой, какой раньше в лесу и не видывали.

Глубоко на дне Сине – озера спит в своем тереме батюшка Водяной. А дочери его денно и ночью расчесывают его огромную бороду. Каждая волосинка его – это речка или ручей. Если не чесать, то все запутается, а по Весне –Красне, там где была деревня вдруг речка потечет или озеро.

Непорядок.

Не посмели русалки отца грозного послушаться, к Морозко на встречу ,бежать побоялись.

Возвращаясь в родной лес, пришла Елочка к Сине –озеру , с подружками русалками радостью поделиться . Подивились те на красу земную и подарили подарок. Красные сафьяновые сапожки.

- В пору ли тебе подружка наш подарочек?

- В пору, подруженьки. Быстрее самого быстрого оленя побегу я на встречу любому моему.

Побежала она, да недалеко убежала. Оказалось, подложили завистницы в сапожки камней острых. Сняла Елочка сапожки, да так босиком и побежала кратчайшей дорогой, через болото, к заветному месту. А там, где она роняла капли крови с пораненных ног, выростала невиданная до сих пор ягода-клюква.

Прибежала Елочка к роднику, а там ее суженный дожидается. Увидел Морозко ноги девичьи, в кровь сбитые, глаза, слез и любви полные ,а уж как пуговку -самоцвет увидел, все разом понял: «Не найти ,мне дева ,сердца более любящего и преданного»

Завернул он любимую в шубу соболью, да и умчал в терем свой.

А народ русский по сию пору ходит на болота, да собирает ягоду клюкву».

Так за сказками да учебой пролетела зима и пришла Весна – красна на Русь – матушку.

Зазвенели ручьи, прилетели с юга птицы. Зазвенела песня жаворонка в полях, выводила свою переливчатую мелодию зарянка.

А к весне, в травник, пошли они в луга, и даже к Синему озеру. Учила ведунья, как травы полезные распознавать, Прежде чем траву сорвать, хлебом с Землицей поделиться: «Не сокрушайся, Землица, что мы тебя оголили, мы на тебя, Землица, хлеба положили».

Учила, как следы читать. Следы были, как зверя лесного, так и лешего с кикиморой.. Но сама Оленюшка их не встречала.

Нравилось Оленюшке разговаривать с деревьями и цветами.

«Березонька, голубушка, беру у тебя листочки и почки. Не корысти ради. А ради излечения от хвори рода людского». И казалось, береза сама протягивала девочке свои ветви.

Иногда старуха поила ее отваром и после долго смотрела, нет, не просто в глаза, а в Оленюшкину душу. Тогда в голове сначала наступала тьма, а потом марево рассеивалось, и тогда начинала девочка понимать язык птиц и зверей. Проходило время и, очнувшись, она словно обруч железный на голове носить начинала. Очень не любила Оленюшка такие уроки.

Но однажды гуляя по лесу и собирая малину, услышала и поняла разговор медведицы с сыночком.

-Не ешь топтыжка ты ягоды волчьей. От нее лихо и нам, и даже людям.

-А тетушка Кикимора сказывала, что я от той ягоды сильнее и могучнее стану.

-Не верь ей, злюке болотной.

К пятнадцати годам округлилась и выровнялась Оленюшка, стала статной и белолицей. От прежней девчонки замухрышки, только волосы пушистые и остались.

Не смогла ведунья поселить в ее душе ненависть к людям, но и любви особой тоже не было. Видела она их насквозь: у кого души светлые как Ярило-солнышко, а у кого сморщенные, словно поганки трухлявые. Помощницей она стала ведунье во всем. И отвары варила и зелья.

Замучил ведунью Поведу кашель. Все травы перепробовали, но не помогло, и к весне стала старуха кровью кашлять. Приказала тащить себя волоком на болото. Болото то Ипатьевское, не замерзало даже в самую лютую зиму.

Сильна была в нем темная сила.

"Вот здесь и оставь, а место забудь. –наказала ведунья девушке. -Наклонись что скажу. Вот тебе мое последнее слово. Как пройдут твои двадцать зим - придет весна»

Оленюшка склонила голову и зажмурила глаза, чтобы старуха не увидела ее

слез.И поэтому не видела как легкое облачко ,словно струйка дыма вошло в нее через уши.

-2-

Скоро все окрестные поселяне привыкли, что живет в избушке ,в самом дремучем лесу ведунья Оленюшка. Дали ей имя Светлая ,ибо всегда отказывалась творить злое дело. Вообще людей Оленюшка видела редко. Только когда совсем уж не вмоготу кому- то. Однажды в самый разгар лета ,в грозник ,пришла к ведунье девица. Что-то знакомое показалось Оленюшке в голубых ее глазах и в задорно вздернутом носике.

- Не признала меня? Это я, Преслава.

Росточком дочь старосты удалась не в батюшку, но ступала павою и вся ее крепкая фигурка ласкала глаз .

Привыкла Оленюшка-Светлая к любым визитам. И зелья приворотного иногда давала ,когда видела, что носит глупая девчонка под сердцем дитя. Да и то, если свободен был избранник девицы, ибо тот, кто уже обет любви и верности дал другой, того колдовство погубит.

Но здесь история была другая. И поведала ее Преслава ведунье , словно подружке на завалинке.

Еще в зимние дни привезли к ним в дом раненого варяга. Был он изрублен в жестокой битве с ромеями.И долго выхаживала его девушка.Да и не заметила, как полюбились ей глаза прозрачно-голубые, речи ласковые и руки горячие. И потеряла она честь свою девичью. Но варяг не торопился с подарками отцу и матери. Или виру платить за честь ее поруганную.Да и не нужны были девице его подарки.

И увидела Оленюшка в подружке, душу чистую незамутненную. Сердце мягкое ,горевшее ровным и стойким пламенем любви.

- Приворотное зелье не дам .Пойду с тобой в поселение ,посмотрю сначала, что за гость, стоит ли он тебя .

Варяг еще не поднимался сам. Лежал на полатах вольготно. В рыжей кудрявой бороде виднелись листья капустные. Видно отобедал недавно. Старосты дома не было. А всех многочисленных чадо, словно ветром сдуло ,как только ведунья вошла в избу.

-Вот и ведьма пришла ,знать пора к Одину мне, - пошутил варяг.

Оленюшка положила руку на его грудь и закрыла глаза. И увидела храброе сердце. А потом вся жизнь варяга пронеслась перед ней.

Рос мальчик ласковый ,матерью и сестрами балованный. И больше всего любил мальчик ходить и смотреть на работу кузнеца. Но в роду он был один воин, и его на десятой зиме отдали в обучение к Олафу-лучнику. И видела ведунья битвы и боль. Боль после победы над врагом. Боль за порушенные жизни. И тоску по горячему горну в дальнем, запорошенной снегом поселение.

И еще много дев познал молодой воин. И все по согласию. Одного не увидела она в сердце варяга – любви к Преславе.

Никого еще не любил в своей жизни воин чужого народа.

И это было хорошо.

-Ну что скажешь, ведьма, сколько мне осталось.

- Вижу твое славное будущее. Стоишь ты у горна, и не мечи куешь, а владеешь секретом вить серебро. И любя твоя работа и вождям, и девицам красным. Но Сварог, покровитель твой, сказал мне, что если не женишься в течении этих трех дней, то не будет продолжения у твоего рода. И мастерство твое в землю уйдет, к подземным мастерам вашим.

-А вот пожалуй на тебе и женюсь. Такие моим богам понравится.

-Мое слово крепкое, три дня у тебя, хочешь, слушай, хочешь, нет.

И ушла к себе в лес.

А через два дня проснулась, от какого-то движения за окном. Это пришел староста и принес целый мешок ржи, и кусок вяленого мяса.

А потом заглянула вся светящаяся любовью Преслава и принесла в дар нитки цветные для вышивания, и бусы из речного жемчуга.

- Желая тебе, подруженька любви. Огромной и счастливой.

Лишь горько усмехнулась ведунья на слова эти наивные. Но за подарок поблагодарила. Длинными, зимними вечерами она, удобно устроившись у очага, будет вышивать свадебную поневу. А уж для кого, это только Макошь и знает.

Жертва Перуну.

В месяце разноцвет есть особое время, когда самый долгий день, и самая короткая ночь в году. День солнцестояния. Время для сбора трав. Именно в этот день и ночь травы обретали свою волшебную силу. Зверобой для души и крови, чертополох от нечисти, «плакун-трава» от злого духа.

На рассвете Оленюшка шла с полной суммой собранных трав, когда услышала топот многочисленных ног. Она увидела, как ей наперерез через поле, бежит какая-то женщина с ребенком на руках. Головка ребенка странно болталась, но мать даже не обращала на это внимания. За женщиной в отдалении бежала толпа людей. Когда женщина приблизилась и упала ведунье в ноги, она узнала жену бортника Белену:

-Светлая, спаси сыночка моего Изяслава.

Оленюшка посмотрела в лицо малыша и увидела печать Морены-смерти на его личике.

Толпа селян не решилась приблизиться и к ведунье, подошел только муж бортник Молчун: «Прости Светлая, что потревожила тебя моя жинка. В ночь на Ивана-Купалу, прыгал наш Изяслав, со старшими с обрыва, и видно под водой коряга была, сломал малец шею. Нет с нами его теперь, а вот жена верить не хочет. Помоги ей, а сыночку уже нечем не поможешь. Пусть даст дите по реке, к Морене отправить».

Оленюшка взяла из рук обезумевшей от горя матери ребенка и отдала отцу. А сама взяла Белену за руку и повела к себе. Три дня боролась она за душу

жены бортника. Но все было бесполезно. Сгорела ее душа, и остался на дне только пепел, нельзя уже было зажечь в ней искру радости.

Пришел за женой бортник с туеском меда: «Не кручинься, Светлая. Теперь она хоть не кричит. А захочет Лада и детки у нас снова народятся». С тем и ушли.

Кончался разносол. Уже иногда небо окутывала хмарь, и шел мелкий, нудный дождь. С бортником пришла к Оленюшке страшная весть: в Полесье мор на деток, до двух зим. И было де его жене видение, мол, Перун требует жертву. Всех малышей до двух зим, а то совсем изведет Род Клестов.

- А тебе виденье было, Светлая?

- Нет, но отчего меня не позвали?

- А что звать то. Дети мерли зараз. В тот же день и отправляли по реке. Дым очередного плота скорби Оленюшка увидела издали. Но в самом Полесье никого не было. У общинной избы сидел хромой Девятко и плел лапти.

- А где все?

- Ты же ведунья, пошто не знаешь? Все ушли к Перунову камню. Я на такой путь неспособный. А то бы посмотрел, как деток резать будут, - засмеялся Девятко. Был он бездетен.

Что было сил, бежала ведунья по лесу. Бортник не отставал. Еще в детстве слышала Оленюшка, тогда Неждана, о Перуновом камне. Когда чаша терпения Богов переполнялась, несли они детям своим Великий Мор и голод. И тогда только кровью невинной, детской, принесенный добровольно на Перунов камень, искупались все грехи.

Но за всю жизнь Оленюшкину этого не было.

Она увидела сначала склоненные спины людей: женщин, мужчин и детей. Все Полесье было здесь. У камня стояла Белена и один из волхвов, по имени Проклятий. Волхва ведунья давно считала потерявшим разум. А вот люди в общине, считали его приближенным к богам.

Проклятий уже отнимал у матери грудного малыша.

-Стойте, заклинаю вас Макошью дающей жизнь и Мореной, ее забирающую, Не того хочет Перун, отец наш.

-Не мешая нам, ведунья, Беляне было видение. А тебе нет.

Оленюшка поняла, что еще немного, и вся эта одурманенная страхом толпа и на нее набросится.

- Хорошо, я сама спрошу у Перуна, угодна ли ему ваша кровавая жертва.

Она выбрала из толпы малышку и улыбнулась ей, и та охотно пошла к ней на руки. Мать девочки тихо завывала. Ведунья понесла девочку к жертвенному камню, и все это время пристально смотрела ей в глаза. Ребенок не должен почувствовать боль и страх.

Ведунья поставила девочку на камень и достала костяной нож

- Перун, тебе о грозный и справедливый отец наш, дарую эту жертву. Люба ли она тебе?- и полоснула по ножке, чуть выше колена. По детской, золотистой от загара ножке потекла алая струйка крови. А сама, заслонив девочку телом, провела рукой по ножке снизу вверх, несколько раз.

И еле слышно произнесла: " «На море, на океане, не деревне Буяне там стояла хатка, в той хатке три сестры на колокола звонице. Они раны зашивали, они кровь останавливали. Ох ты, рана, заживись, ох ты, кровь, остановись. Кровь затворяю, рану заживляю" .

А потом отошла в сторону и снова спросила : « Люба ли, тебе Перун, наша жертва?»

Вся толпа увидела, как кровь начала подниматься вверх по ножке. И вот уже ее и следа нет, и даже ранка зарубцевалась. Девочка счастливо засмеялась.

-Не угодна Перуну ваша жертва. Идите домой люди. Я вам помогу.

Селяне почти бегом кинулись из леса.

А ведунья пошла в Полесье, и весь вечер ходила по избам. Выяснила, что малышей смотрели в общинном доме. Пошла к девке- няньке. Девка Пустеха лупала от страха глазами. И отвечала, заикаясь: « Никто в эти дни не был. Окромя старосты, он ей подзатыльников навешал. Чтобы радела на работе. И жены Бортника Белены. Та приносила детям мед».

Потом пошла к последней семье, Зайцам. Заяц, хозяин прятал глаза, а жена его Зайчиха даже не предложила гостье квасу.

-Все вижу, ничего не скроете - нарочито строго, сказала Оленюшка.

-Не губи, чем хочешь, откупимся. Не можем мы Зорюшку огню предать.

Когда-то один человек из княжьей дружины сказывал, что есть де Вера такая. Что придет спаситель и оживит всех мертвых. И тем, кто чист душой будет вечная жизнь. Но это, если только тело земле предать. Вот мы прячем тело. А ночью и отнесем к березке на Заячий остров, никто и не узнает. У кого, как не у нашей девочки душа чистая.

Ведунья попросила зажечь очаг и принести ребенка. Потрогала ручки и ножки, они были словно вывернуты судорогой. Видно смерть наступила мгновенно. Несомненно, яд. Искала долго и нашла, маленькую ранку за ухом.

К Белене они пошли со старостой и кузнецом. Ибо ведала Светлая, какую силу имеет Тьма над человеком и в человеке.

Трава чемерица была у извергини в изголовье, в полотно завернутая.

Решали долго в общинной избе судьбу супостатки. Из рода выгнать или утопить. Но вот одела мать погибшей Зорюшки на руку ухватку стеганую и взяла со стола траву - убийцу. И хлестанула по лицу детоубийцу.

И передала ухватку другой матери.

Поздно ночью бортник положил опухшее от яда тело жены на плот и поджег. И оттолкнул от берега. А сам ушел в лес.

А еще под луной на заячьем острове вырос свежий холмик Прямо под белой раздвоенной березой.

Все тело у Ведуньи болело и ныло, словно это ее травой-черемичой отхлестали. И она, прямо ночью пошла к Синему озеру.

«Вода водица, прими боль мою. Смой все злое и даруй здоровье».

А вот и Нечистая сила.

Синее озеро было расположено в заповедной чаще. Селений вокруг близко не было, ибо крутого нрава был озерный хозяин Водяной. До самого травника, иной год стояло оно скованное льдом, спало очарованным сном. А за одну ночь вода могла так подняться в озере, что заливало лес на много дней пути.

К этому самому озеру и поспешила Оленюшка после казни Беяны.

Вода своей синей прохладой остудила гнев и боль от прошедшего дня. Долго плескалась девушка. Все грезилось - вот выйдут с ней поиграть дочери Хозяина озера. И обретет она, наконец, подружек, славных и веселых. Но так никого и не дождалась. Приятная прохлада в теле начинала уступать место ознобу. И пришлось покинуть озеро. Она выходила не спеша, ибо никого не боялась и не ждала ни от кого каверзы. В лучах восхода на ее кипейно белом теле блестели, словно самоцветы, капли воды. Уже дошла до поневы своей, как из-за осины вышел на берег, хромоногий Девятко. Он, ковыляя, устремился к Оленюшкиной одежде и встал на нее обеими ногами. Он бесстыдно рассматривал обнаженную ведунью. В глазах его загоралось пламя вожделения. Девятко переминался с ноги на ногу и костыль, на который он опирался, словно приплясывал в его руках.

- Моей будешь! - прохрипел он.

- Эко ты забрался так далеко. А все говорил тяжело ходить.

- А я с вечера пошел. Когда вы все в Полесье пришли от Перунова камня. Я так и понял: ты сюда пойдешь, кровь смывать.

- А крови то и не было. Остынь вон в Синем озере. Отдай поневу.

Девятко отступил, Оленюшка быстро схватила одежду, и попыталась отступить дальше в чащу. Что-то древнее, чем она сама, приказывало - беги. Но она успела только уклониться от летящего костыля. Он чиркнул ее не по виску, а под ухом. И все темнота.

Очнулась она от визга. Визжал Девятко, ибо в глаза ему вцепилась странное существо, все волосатое, с ног до головы. С огромными крючковатыми ногтями.

Руки насильника держали, одинаковые как листочки на березе, девчонки.

-Хоть один глаз оставьте! - вопил Девятко.

Оленюшка поднялась с травы и милостиво махнула рукой - Пусть его, домой идет.

Хромой Девятко, теперь еще и одноглазый, заковылял прочь.

А ведунья стала знакомиться со спасителями. Леший сидел на пне, закинув левую ногу за правую, и грыз поломанный ноготь, и лукаво подмигивал одной из девчонок

Девчонки оказались сестрами-кикиморами. Теперь приглядевшись,

Оленюшка увидела, что не так уж они и одинаковы с лица.

Купальница была высокой и худенькой, и тут же похвалилась, что никто не справится ней по части запутывания следов. Вся ее включенная голова была в репейниках и осоке.

Пушица оказалась мастерицей плести венки и наводить на людей морок.

Идет какой-нибудь селянин по лесу и вдруг чудиться ему, что ребенок плачет или клад грезиться. Так это кикимора Пушица развлекается.

Люттик самая младшая из сестер, была названа ими бесталанной. Но именно она и понравилась Оленюшке больше остальных. В волосах ее были вплетены ирисы и лилии. И она так забавно шмыгала остреньким носиком.

-Спасибо, вам, сестры-кикиморы, и тебе дяденька Леший. Что честь мою оберегли.

Леший перестал рассматривать свои ногти и неожиданно вприпрыжку поскакал в лес

-Страсть как не любит добрые дела делать, теперь в тоску впадет, неделю из болота не выйдет.

Пушинка протянула руку к Оленюшкиным волосам. Потрогала и вздохнула.

- Это Купальница след насильника учуяла. От него смердило. Хотели просто посмотреть, как такие дела у людей делаются. А тут ты оказалась.

- Мы тебя уважаем. Наша ты, лесная. Ты не сомневайся, успели вовремя.

И они весело зашагали по дороге.

А Люттик задержалась и шепотом спросила: " А можешь ли ты меня из кикиморы в мавку превратить. Есть у тебя такая сила или нет. Или травка, какая?"

Оленюшка смотрела на кикимору и диву давалась. Откуда в лесном болоте такая открытая и добрая душа появилась.

В Мавки тебя дед Водяной не пустит. А вот если сильно захочешь, могу тебя древесной девой сделать. Выбирай. Хочешь в березке, хочешь в осинке или елочке.

- Конечно, хочу, я страшно сырость не люблю. В березку хочу. Вон в ту. Нет вот в эту. Рядом с дубком.

- Ну, вот и славно.

"Впереди огоньь.

Позади вода,

Болотницы душа в березу ушла.

Ярило-отче и Лада-мати,

Помоги ново родиться дитяти».

И осталась от кикиморы только лужица воды. А березка стройная прошелестела ведунье - Благодарю тебя, Светлая.

Песня о Валькирии.

Иногда нападала на Оленюшку грусть тоска.

Снилась ей Поведа, что растила ее и воспитала. Будто восстала она из болота ипатьевского и возвращалась домой. И хоть виду она была нечеловеческого, во сне Оленюшка протягивала к ней руки и звала мамою.

Утро не радовало. Тоска гнала из дома, куда глаза глядят. Покоя не было.

В лесу слышалась перебранка белочек о золотых орешках. В поле зайцы турниры устраивали. Бились ни на жизнь, а на смерть ,за зайчих. Их

пронзительный воинственный клич заставлял попрятаться всю нежить.
Ведунью он настиг на перекрестке дорог.
Поклонилась она всем сторонам света и начала свой заговор от тоски-кручины:

" Медвяной росой умываюсь,
Красным Солнцем утираюсь,
Облаками облакаюсь,
Частыми Звёздами опоясываюсь...
Небом покроюсь,
Зорею подпояшусь,
Звездами отучусь....
Уходи грусть тоска за синие моря.
НА четыре стороны света,
Я ищу у ветра ответа.
Унеси кручину тоску.
На высокую гору.
В небо синеву».

Проговорила и пошла себе по дороге до развилки между Полесьем и Заповедным лесом. На развилке, немного в стороне от дороги сидели в траве старик и мальчик. Расстелили скатерку, и вкушали простую пищу: хлеб да лук. Мальчик поднял глаза от краюшки хлеба и ахнул: "Деда, я боюсь».

- Садись с нами полдничать, дочка, - пригласил старик.

Был он серебристо сед. Длинные волосы аккуратно расчесаны. Седыми были кустистые брови, под которыми не видно было глаз. И от этого казалось, что старик слеп.

- Спасибо, добрый человек. Мне бы воды испить. С утра маковой росинки во рту не было.

- А у нас тоже водицы нет, вот как получилось.

- Да вы мне туесок дайте, я сама схожу, здесь ключ недалеко.

Мальчик протянул девушке туесок .И пошла Оленюшка к ручью. Летний день был в самом разгаре. Она набрала в туесок воды и принесла старцу.

- Что это у тебя на груди? – вдруг спросил старец.

- Это оберег, колесо Перуново , - Оленюшка стыдливо застегнула ворот, поняла, что забыла поправить после умывания.

- Нет, девица, это оберег Валькирии. Валькирии - воинственные девы, решающие по воле Богов исход сражений. А оберег силу дает Веды познать. И поможет к цели прийти. Духом подняться и очиститься от всякой скверны. Откуда он у тебя?

- Ах, дедушка, дала мне его дева-Валькирия. Тому уж шестнадцать лет назад. И с тех пор не ведаю я покоя. Хоть бы, что узнать, что с ней случилось?

- Деда, деда спой ей сказ о Валькирии - дернул старца за рукав мальчонка.

Из холщовой сумки, лежащей в траве, достал старик гусли. И удобно устроившись, спросил Оленюшку:

– Ну что, петь? - и сверкнул на нее из под седых бровей задорным блеском

глаз. Словно девчонкой снова обернулась Оленюшка, будто стояла на берегу, провожая княжеский стяг.

Улетала лебедь белая из стаи сизых голубей.
Не нашла лебедушка, себе равных среди людей.
И прибилась белокрылая к соколиной стае -
Как с родными братьями в небо улетаю.

Налетали за добычей стаи черных воронов,
С ними и лебедушка била злобных врагов,
И роняла в битве перья лебединые,
И отрастали новые - перья соколиные.

Крепли руки девичьи соколиной статью,
Многим уж мечталось, за себя просватать.
И нашелся сокол ей, - крылья крепче стали,
О котором многие девушки мечтали.
Многим уж мечталось, за себя посватать.

И спел дальше старец - что живет теперь она в доме богатом, кикку носит с жемчугами морскими, и деток уже трое у нее.
Давно не было так светло ведунье на душе. Словно не песню она послушала, а воды живой напилась.

- Нечем мне отблагодарить тебя, Боян-сказитель. Но если подождешь, то принесу я тебе бусы – жемчуга.

- Не надо мне от тебя дева лесная ничего. Я теперь и о тебе песню сложу. А ты уж постарайся - так живи, чтобы сказ мой о счастье твоём девичьем, былью сделать.

На том и растилась. Ушла Ведунья в лес, а старик с мальчиком дальше по Полесью ходить.

-6-

Лесной Царь.

Темными зимними вечерами, когда Мороз-воевода крушил в Заповедном лесу столетние сосны, Оленюшка доставала из сундука свою свадебную поневу, и начинала вышивать разноцветные узоры. И в изменчивом свете очага оживали сказочные птицы, и красное солнышко, обещало скорую весну.

Уверена Ведунья, никто в такой буран не рискнет пробраться к ее дому. Но, чу кто то скребется у порога. Оленюшка набросила шаль и открыла дверь. Первым в избу ввалился мужичок с ноготок с меховым кулком. Следом, такая же махонькая женщина.

Судя по одежде из звериных шкур, грубо и небрежно сшитой, это были

дикие люди. О диких людях почти ничего не было известно. Жили они в самой чащобе леса. И строили дома на деревьях. К весне выходили они из леса к Синему озеру. Приносили шкуры и выменивали их на зерно. Дикий человек положил сверток на лавку и развернул меховое одеяло. В свертке оказался мальчик. С ярко-рыжими волосами. Зим пять или шесть. Ребенок тяжело дышал, и в груди его хлопала, и хрипела болезнь. Отец его сорвал с груди шнурок и протянул Оленюшке полотняный мешочек. Ведунья раскрыла его, и на ладонь ей упали крупинки блекло-желтого металла, любимого ромеями золота. Видя, что колдунья недовольна, мужчина что-то прорычал, и его маленькая жена вытащила из рукавицы слиток золота, величиной с яйцо ржанки. Оленюшка открыла дверь и выкинула золото за порог. А потом туда же вытолкала родителей. И показала им на пальцах – ждите десять лун. Огонек, сразу назвала она мальчика. Бороться с болезнью было тяжело, упущено было много времени. Мальчик был слаб, и его душа отлетала уже два раза. Но ведунья возвращала ее. Морена, возьми что хочешь, но не забирай этот огонек к себе. Морена смиловилась.

В пушистых золотистых волосах Оленюшки заблестели первые серебряные нити.

Настой подорожника помогал, но болезнь не отступала.

Надо было что делать. И однажды Оленюшка вспомнила, как лечила Поведа, охотника попавшего в лапы медведя. И ведунья решилась. Усадила дитя на лавку, и сделала надрез над седьмым ребром, сзади, вставила в разрез соломинку. И стала отсасывать болезнь.

У самой кружилась голова, тошнило, но пока не услышала легкого дыхания малыша, не останавливалась.

Болезнь отступила.

Мальчик так привязался к девушке, что буквально с рук не сходил. Было сладко засыпать и просыпаться в объятьях этих маленьких, жарких ручек. И Оленюшка с ужасом ждала, вот еще две луны и мальчика заберут.

Так и случилось. Огонек тут же устроился у матери на закорках. А Оленюшке дикие люди поклонились мясом косули. Она уже спускала мясо в погребец, когда услышала, что дверь снова скрипнула. Она выглянула и увидела щенка – подростка. Славного сына волкодавов. Лучшего подарка у ведуньи в жизни не было.

По Полесью пошел слух о ведунье и ее Волчке.

Как то заглянула к Оленюшке, подружка давняя, Преслава. Была дочь старосты, на сносях, и просила подружку погадать будущему ребенку судьбу. Но ведунья просто дала совет – держать дитя в чистоте и не перекутывать.

Преслава и рассказала, смеясь, что-де думают все, что и не волк это вовсе, а сам Лесной Царь.

Посмеялась ведунья, а ночью приснился ей сон. Будто гуляет она с Волчком по земляничной поляне. Вдруг, стукнувшись оземь, превращается ее пес в

прекрасного молодца. Косая сажень в плечах. Меч на поясе висит. Только не видит ведунья лица суженого.

-Пойдешь за меня девица? - спросил ее Лесной Царь.

Замерло Оленюшкино ретивое от таких долгожданных слов. Но лика по-прежнему не видит, да и сердца любящего тоже. Подошел к ней Лесной повелитель и обнял. И до того жарко, и томно ей сделалось. Все струны женские запели в Оленюшке.

А спас ее Волчок. Увидел он, как хозяйка по лавке мечется, одежды скидывает, да и стонет незнакомым голосом. И решился верный пес на страшное. Не мог лаять сын славного племени Волкодавов. Поэтому схватил, да прокусил руку хозяйке.

Все крепче обнимал ведунью лесной хозяин. Зноем желания дышал в ухо, но вот острая боль пронзила ее руку и очнулась она от морока.

Увидела себя на лавке, без одежды. А рядом с лавкой Волчок виновато поскуливает.

Больше не приходил к ней Лесной Царь. Ни во сне, ни наяву.

Думалось ей иногда - попросить самой у Лесного Хозяина дара обратном стать. Так и представлялась: бежит она в волчьей стае. С ним Единственным.

А поздней осенью заметила ведунья, что стал все реже приходить домой Волчок. А зимой следующей и вовсе пропал.

А по весне привел к дому двоих своих щенят. Оленюшка на руки их брать не стала. Уж больно грозно сверкали в кустах глаза матери-волчицы.

Покрутился Волчок, да и побежал в лес. Он ,его волчата,и волчица с рыжими отметинами по бокам.

Так и осталась опять Оленюшка одна.

-7-

Альманзор- повелитель воды.

Наступила семнадцатая Оленюшкина зима. С нетерпением ждала она весны обещанной Поведой, но ничего не происходило. И хоть запретила ей ведьма ходить на место своего успокоения, все равно пошла ведунья к Ипатьевскому болоту. В надежде робкой, а вдруг тайный знак подаст ей колдунья.

В оврагах еще белел снег. Дули пронзительные холодные ветра. А на болоте проклятом творилось, что-то неопишное. Словно кто - то невидимый боролся где-то в самой его глубине. Вверх летал мох, чахлые кустики. И нежить вся болотная стонала на все голоса.

Оленюшка подумала, что это Поведа на нее так серчает за послушание ,и хотела уже уйти. Но тут из самой трясины болотной поднялся человек и зашагал по болоту, как по твердой земле. Это был мужчина. В невиданных ярких шароварах, атласной рубашке до самых пят. Он ступил на твердую землю рядом с ведуньей и упал.

Ведунья поняла, что незнакомец сам идти не сможет, стала ладить волокушу. Позвала в подмогу дядьку- лешего, тот не откликнулся. Зато кикиморы-

сестренки тут как тут.

Сладили из молодых елочек волокушу, и потащила ведунья незнакомца к себе.

Стыдно было ей самой обмывать, пусть хоть и болящего, но мужчину.

Поэтому пришлось поклониться бабе Яге жемчужными бусами.

Одежду постирала сама, высушила. И бабке передала, чтобы одела. Три дня лежал в беспамятстве незнакомец. Пыталась Ведунья заглянуть в его прошлое или будущее. Ничего не выходило у нее. Не было, словно его на свете, и не будет. Вглядывалась девушка в лицо незваного гостя, и трепетало ее сердце.

У гостя волосы темные и крупными кольцами вились. Нос с горбинкой и борода. Странная, ранее невиданная. Вокруг губ алых и сочных вилась, а дальше лик безволосым был.

На третий день открыл он глаза. Черные, как самые безлунные ночи. Или как самый страшный омут.

-Альманзор.

- Ну, вот и ,славно.А я Оленюшка, – устало сказала ведунья.

От слабости сидел гость чаще всего на лавке. Ноги калачиком. И пел Светлой песни. Голос его гортанный и речь незнакомая завораживали ,зажигали огонь в крови .Но огонь этот был ведунье противен .Тело ее трепетало от песни ,а душа шептала: беги его.

Самое первое слово которое гость выучил, было слово- вода. И на пятый день он стал требовать воды. Оленюшка уже и кадушку натаскала, а он все кричит:"Вода!"

И наконец-то встал, да взяв девицу за руку, повел в лес.

"Вода?"- спрашивал он, идя по тропинке в лес. Так и дошли до речки Живки. Как был одетым вошел в воду незнакомец и долго, что-то шептал, омывая ладонями лицо.

На том берегу раздался протяжный женский плач.

- Ой, Ивасичек, на кого же ты нас покинул.

Оленюшка узнала причитавшую женщину. Это была вдова Карпа – рыбака. Того водяной забрал о прошлом годе. Утащил под лед, да так и не вернул. Старшим в роду и кормильцем стал Ивасик ,двенадцать зим ему сравнялось. А в избе мал, мала меньше братьев и сестер.

Набухшая от весеннего половодья река качала на своих волнах пустую лодку. Сжалось от горя Оленюшкино сердце. Да что уж тут поделаешь. Не выплыть смертному в такой холодной воде.

Альманзор опустил в воду руки, и что- то быстро зашептал. Или вернее зашипел. И случилось невиданное чудо, вода расступилась до самого дна. И мать, и все кто были на берегу, увидели Ивасика. Мать побежала к сыну и схватила его на руки. Мальчика вынесли на берег, и он очнулся.

Альманзор хлопнул в ладоши и вода сомкнулась. Царь Водяной, молча, проглотил обиду. И спрятался в своем подводном дворце .

Не мог, конечно, не видеть гость, что загорается маковым цветом лицо Оленюшки, при песнях его бесконечных. Но чего- то выжидал.

Девушка остужала телесную кручину ледяной водой. Но все чаще ей думалось: «А может зря она так бережется? Может вот он суженный Поведой. Пора уже ей и дитя в чреве выносить, и к груди его поднести». Но гордость и еще что-то, вставало преградой на пути к ложу любовному. Не только пел гость дорогой, но случалось и сказки рассказывал, о своей далекой родине.

Сказка о Страннике и Джине.

«На смену бархатистой ночи, черной, как мускус, приходит, персиковый рассвет. Муэдзин на минарете имама Али ибн Бабы призывает благоверных к молитве. А я скромный раб своего тщеславия заканчиваю свои записи..

«Это утро – либо утро великого дня, либо - полного забвения. Когда-то я был молод и полон сил. Я любил многих сладких дев и они, что удивительно, любили меня, бедного поэта. Я слагал стихи о прекрасных губах возлюбленной, и о родинке на ее плече. Я не спал двадцать четыре часа в сутки, а сил только прибывало. Обласканный сильными мира сего, и узнаваемый простыми горожанами, я думал, что жизнь прекрасна. Но в одно, такое же вот ясное утро, я понял, что ничто уже не радует меня, не разгоняет кровь, не дает вдохновения. И я удалился в библиотеки, ища ответа у ушедших мудрецов. Но их строки только добавили горечи разочарования в мою жизнь.

И вот однажды в стенах нашего медресе остановился странник. В отличие от проповедующих дервишей, он был опрятен и взгляд его ясен и осмыслен. Великий мыслитель скрывался под плащом бедного путешественника. Многие считали его давно ушедшим усладить слух аллаха своими цветами мудрости. Но нет, вот он живой, правда очень постаревший, сидит предо мной и, наслаждаясь зеленым чаем, дает мне совет.

На мой вопрос, что же зажжет огонь в моей холодеющей крови, он протягивает мне свой посох.

-Иди, на север - где кемаль, северный ветер, рвет паруса у утлых лодчонок рыбаков, на юг, где сирокко, засыпает песком дворцы, на восток- где звезды опускаются в ладони, или на запад, где в горах Эльбруса, лежит белое, холодное чудо, похожее на шербет. Иди, и дорога и встречи с новыми людьми, оживят твою кровь, мысли будут тесниться, ожидая когда ты дашь им жизнь на бумаге. Иди, и да прибудет с тобой мудрость.

Так я стал Странником. Долгие годы, познавая мир, я был одинок, но два года назад нить судьбы соединила меня с Джинном.

Да, с самым обыкновенным джинном.

Он сидел на развилке дорог, на выходе из Мавера-на-Нахре, крепкий мужчина, достигший возраста мужа, услышав стихи, что я сочинял на ходу, поднял голову.

-Мил человек, а можно я пойду с тобой, уж очень складно ты говоришь о вселенной и звездах.

-Дорога одна для всех.

-Не называй свое имя, я знаю, ты Странник.

-А ты?

-Джинн, просто Джинн. В том мире, где я родился, меня звали несколько иначе, вернее, в том времени. А здесь, я иногда, забавы ради делаю чудеса. И меня

зовут джинном.

-Ты добрый или злой?

-Твой вопрос любезнейший ставит меня в тупик. Я давно не мыслю такими категориями. Добро и Зло, Свет и Тьма, все относительно в этом мире. Иногда я делал добро одним, но это приносило зло для других. Я шел к свету, а пришел в темноту, ваших веков. Мне жутко не хватало умного собеседника

-Отчего ты не сидишь в доме Мудрости в Багдаде и не внимаешь великим умам?

-Да был я в этом доме. Они пишут о том, что мне давно известно. И спорят, с какого конца палка начинается, и где кончается. Там я и прочитал твои трактаты о жизни. Ты ни с кем не споришь, ты просто задаешь вопросы и ищешь ответы. Иногда они наивны ,иногда они почти пророческие ,но ты боишься их доверить чистому листу и растишь их, как любимое дитя. А еще я вижу в твоём дорожном мешке волшебный ящичек. В Вашем мире это называется шатранж, в моем мире – шахматы. Но у меня уже чешутся и руки, так давно не брал я в руки ферзя.

Тут же на перекрестке мы с ним расположили на боевом поле наши «армии». Победил все таки я, но никто из соперников не испытал горечи поражений, ибо каждый из нас обладал мудростью, предполагающей скромность победителя, и достоинство побежденного.

Так я отправился в путь с новым другом, Он иногда исчезал, и появлялся вновь, принося в дар невиданные плоды, и что самое главное воду в бурдюках. Он весело рассказывал, как поверг в ужас караванщиков своей кражей. Он томился в нашем мире. Все вокруг ему было чуждо, но уйти ему, что- то мешало.

Однажды он отсутствовал несколько дней, и я уже уверился, что буду продолжать путь один. Но к ночи пятого дня Джинн появился. Был он словно не в себе , лег у костра завернувшись в покрывало. Ночью я проснулся от его бреда. Джинн бормотал во сне: «Опять не пустили. Почему? Где выход?»

Наконец он очнулся, и словно продолжая прерванный разговор, произнес: « Не беспокойся, я не повредился в рассудке, просто быть не таким как все, довольно обременительно. Ни те, кто хотел запереть меня в комфортной клетке, ни я сам, не знают, как я это делаю. Я просто подумаю: «А хорошо бы оказаться в гостях у эмира Бухары, отведать плова. И вот я уже там, и умею говорить на фарси, и свой в любой компании. Я приносил из своих странствий дорогие штучки, глупо конечно, этим я привлек внимание. И они закрыли от меня мое время. Ах, Странник, если бы не твоя патологическая честность, как славно бы мы зажили при дворе какого-нибудь шаха или просто эмира. Ты был бы визирем, я твоим помощником».

Так он ворчал всю дорогу, пока не увидел, величественные стены столицы Синбадистана.

Благословенны небеса, дающие нам силы преодолеть путь. Как только стражники впустили нас в город, мой джин исчез. Но через мгновение появился, высыпав мне в ладонь, горсть серебра, он, пообещав вернуться, исчез.

За полновесные синбады я снял комнату в караван – сарае, тишина, перо и бумага ,вот и все ,что мне было надо.

Скромные средства мои скоро закончились, но продолжать путь мне мешала

боль в пояснице. Джинн не появлялся, и я стал зарабатывать на жизнь игрой в шахматы. Пришлось заложить книгу великого Аристу, чтобы добыть денег для первой игры. К счастью я победил, и книга вернулась ко мне.

Мои успехи и победы привлекли ко мне внимание сильных мира сего.

Молодой человек, одетый в платье простого горожанина доставил мне удовольствие и своей умелой игрой, и своей загадочностью.

-Вы так молоды, любимы прекрасными девами, удачливы в дружбе и охоте. Что черной тенью ложиться на ваше сердце?

- Боишься ли ты конца своего земного пути? Я счастлив и молод, но это так скоротечно.

-Я не боюсь тлена своего брэнного тела. И далек от мысли ,что потомки вспомнят меня ,как ученого мужа. Строки о соловье и родинке на щечке, переживут и меня, и Вас, достославный халиф аль-Мансур.

-Я тоже узнал Вас досточтимый Ариф ибн Али. Мы виделись с вами при дворе шахиншаха. В моей сокровищнице есть древний манускрипт, часть, вернее только слово «Время», сумел прочитать мой звездочет. Увы, его срок жизни истек, но он уверял меня, что с помощью этого заклинания можно остановить мгновение.

- Как философ, я скажу, что это невозможно, но как ученый, я мог бы начать поиски истины.

Я бился над загадкой заклинания уже неделю, пока не появился Джинн.

- О, что – то интересное. Я отмыл не только тело, в римских термах, но и мозги мои чисты, как гурия, в садах, вашего кумира. Приступим?

Вдвоем дело пошло веселее. И хоть мой друг и твердил, что магии не существует, он трудился и спорил яростно.

И наши труды и споры окончились тем, что на бумагу легли понятные строки.

-Это невозможно! Но мы это сделали! – вскричал Джинн.- Я сейчас слетаю в одно прекрасное далеко, и вернусь с темницей для времени. Он вернулся с прозрачным сосудом наполненным песком. В отличие от меня, мой помощник, относился ко всему весело. Поэтому я усадив его на ковры ,решил поговорить серьезно.

-Мой друг. Я желаю тебе добра. Тебе совершенно не обязательно быть при опыте. Я хочу, чтобы ты понял. Стена, которую ты не можешь пройти во времени, ее не существует. Она в твоей голове. Ты боишься, и твой страх и есть твоя стена. Уже прошло достаточно времени, и ты можешь вернуться, совершенно не боясь. И жить и быть самим собой. Дай мне обнять тебя на прощание.

Но нашему расставанию не суждено было случится .

Во дворе караван-сарая послышался шум, стража халифа уже пришла за мной.

-Ну, нет, я пойду с тобой. Ведь и я помогал тебе разгадать шифр.

И Джинн спрятался в старой медной лампе. Я положил ее в свой мешок, и, закинув его на плечо, последовал за стражей.

Мы встретились с халифом в его сокровищнице. Он сидел на удивительно прекрасном золотом троне, усыпанном алмазами и изумрудами.

-Заклинание существует. И Сосуд, в который можно заточить время тоже. Но одно ваше слово и я уйду из города. А вы вкусите жизнь до самой последней

,горькой капли.

«Я верю в свою звезду.- Устало произнес халиф Мансур.- Пусть свершится ,то чему суждено.На все воля всевышнего».

-Но Вы обратились не к вершителю судеб, а ко мне. Я не он. Я ученый, хотя и беру на себя миссию бога, управлять временем.

-Меньше слов, я жду результат.- И халиф равнодушно вытащил из ножен саблю.

-Я встречал таких, для них жизнь других ничего не значит. Даже твоя, мыслитель. Читай и будем ждать результата. - Прошептал из лампы Джинн.

И заклинание было произнесено: «Время, как песок уходит сквозь пальцы.

Сожми кулак и останови его. Аум тат сат аум ».

В сосуде похожем на две перевернутых пиалы, за клубился фиолетовый дым, и когда в часах упала последняя песчинка, в комнате сгустилась тьма. И

Время...остановилось....

-Зачем ты пришел?

-Мне нужна лампа!

-Надо же - сказал правду..

-Сюда, - легкий ветер коснулся лица Алладина, и он последовал за ним.

-Алладин, ты один можешь спасти целый город.

Медная лампа легла в ладонь, и юноша, размахнувшись, ударил по песочным часам.

Раздался звон, песок медленно стал высыпаться.

Спасибо!- И счастливый смех заискрился в воздухе разноцветными звездочками.

Прошло не одно мгновение, и среди пустыни появился город. В городе кипела жизнь: слышался шум базарной площади, призыв муэдзина, мелодия зурны.

А потом городские ворота открылись, и Странник снова начал свой Путь в Вечность».

Уже был серпень, когда по реке пришел в Полесье караван. Сошли со струга княжеского три старца.Все в чудных и пестрых одеяниях. Расспросили дорогу к дому Ведуньи у старосты.

Альманзор и Оленюшка вечеряли, в дверь постучали, и не ожидая приглашения, вошли три старца. Сердце – вещун шепнуло ведунье, это за ее чернобровым пришли. И она встала во весь рост и заслонила собой суженого. И схлестнулись две силы.

Но не помогли Светлой ни Перун,ни Сварог. Видно правда была на стороне старцев.

А Альманзор стал сначала прозрачным, а потом и вовсе разлился по полу ручьем. Но старцы все трое одновременно, что -то выкрикнули, и превратился Альманзор – ручей в кусок льда.

Подхватил один из старцев кусок льда, да открыл погребец,где ледник был,и кинул туда заколдованного в лед Альманзора.

-Честь и хвала тебе дева. За сердце твое чистое и душу незамутненную, но не того ты защищать вызвалась.

Альманзор, магрибский маг, еще в юности освоил заклинания дающие силу над водой. А в наших пустынных краях, кто владеет водой ,тот владеет

жизнями. Вместо того чтобы давать жизнь новым землям. Захотел он владеть всем миром.

И оставил без воды целый город, и именно тогда, когда враги осадили его. Горожане открыли ворота. И ждали милости у врага. Но никого не оставил в живых Черный Абдулла, слугитель темных сил.

Это была наша Родина. С цветущими персиковыми садами. С арыками, где в тени чинар сидели старики и играли дети. А остался от всего этого только пепел. Три года мы ловили этого слугителя тьмы. Уже настигли его у берега Красного моря. А он стал одной из капель моря и исчез.

Пифия, в зеркале судьбы, увидела белый песок, холодный, как кемаль. И тебя, о дева, стоящую на берегу.

На корабле ромеев прибыли мы в ваши благословенные края. Ибо зло должно быть наказано, а чаша мести наполнена до краев.

Зажгли старцы во дворе огромный костер и поставили чан медный. В него и кинули лед, бывший некогда Альманзором- повелителем воды. И только легкий дымок улетел с протяжным стоном в вечернее небо.

Поклонились трое великих магов, простой лесной ведунье, и один из них, молвил – «Не кручинься, о, Дева с волосами легкими, как тополиный пух. Твое время пришло. И сердце твое тебя не обманет. Жди и счастье придет».

-8-

Черное и белое.

Лето красное началось с того, что пришла к Ведунье прощаться Преслава жена серебряных дел Мастера Ольгерда-викинга.

-Ой, подруженька, счастье нам привалило. Зовет к себе в Новгород князь, обещает кров и защиту. Вот как уменье моего Ольгерда ценят.

Закружила подружку Преслава, и заглянув в очи Оленюшке и предложила- поедем с нами, на стругах торговых гостей. Повидать задумал Ольгерд брата в крепости. Там где Валькирия твоя правит. Вот и повидаетесь. То-то на душе просветлеет. А то вижу смурная ты, да задумчивая.

И оказалась Оленюшка на стругах купеческих. Была невмоготу ей качка на воде, нутро пищу не принимало. Но, как только вышли на большую воду Холодного озера, словно силы прибавилось у Оленюшки.

В крепости Ведунье так обрадовались. Оказалось, исчезла незнамо куда, дружинная ворожея Хрефна. Все окрестные леса обошли дружинники, но так и не нашли деву – друида. А ведь лето, самое время похода. А тут ни туда и ни сюда. Как без предсказания рун в поход отправляться. Это же волю богов нарушить.

Конунг в душе посмеивался над этим, это Оленюшка-Светлая, ясно почувствовала. Но все же руны, оставленные пропавшей колдуньей, при всех вручил и молвил:

- Ведаешь ли ты знаки рун, о Светлая ?

- Ведаю, Великий конунг.

- Вот и славно, не позднее сегодняшнего вечера объяви нам, детям Одина,

его волю. Ступай.

Так и не увидела Оленюшка Валькирию. Только младшенького сынка ее заприметила, что около конунга вился выюнком. Хороший мальчик, светлая судьба.

Вечером за крепостными стенами ,на берегу озера ,разожгла Оленюшка славный костер. Вокруг собралась вся дружина во главе с воеводой.

Пришла и тихо села у костра. Один из воинов рассказывал легенду о Вороне, Храфне, любимце Одина.

«В незапамятные времена ,когда воины молились Одину об удаче и поклонялись богу в образе Ворона ,случилась эта история .В ненастные осенние вечера, рассказывает ее воронятам ворон ,а сам он слышал ее от своего деда .

«Считающий годы"исполнял волю Одина, предвещая славную смерть воинам в бою, но сам умирать, не торопился, и зимам счет давно не вел. Он был гордым вожаком вороньей стаи, той, что справляет тризну на поле брани, когда Валькирии прилетают за душами воинов.

Но снова, как в последние годы нашелся смельчак, желающий в бою достигнуть славы и победы .

Молодой, сильный "Пожиратель времени", вставший на крыло всего семьдесят лет назад, бросил вызов мудрому, но стареющему ворону.

По закону стаи за вожака мог вступить кто-то из молодых, но «пожиратели трупов», промолчали, и "Считающий годы" первый взмыл в небо.

В лучах начинающегося осеннего рассвета его мощные крылья отсвечивали синевой, на крупной гордой голове серебрился седой хохолок. Его соперник , ничуть не уступал ему по размерам, а наглостью даже и превосходил.

Они сшиблись грудь в грудь, и старый ворон выдержал первый натиск наглеца. Он пытался своими огромными крыльями оглушить соперника так, чтобы тот потерял разум, перестал чувствовать небо.

Но вороненок мощными взмахами крыл устремился в высь, и опытный воин потерял его из виду .

Над головой плыли серые дождливые тучи, но подняться до них "Считающему годы" было нелегко. Он, преодолевая усталость, уже почти достиг края тучи, но успел увидеть только черную тень, закрывшую пробившееся сквозь тучи солнце.

На него сверху черной молнией обрушился молодой ворон,и голову проломил мощный удар клюва.

Кувыркаясь в воздухе беспомощным комом перьев, взмолился старый ворон к богам верхних и нижних земель.

-О, боги верхнего и нижнего предела, я, верно, служил вам все эти годы. Я по вашей воле нес плохие вести людям. Смею ли я просить о своем последнем желании?

- Что ты хочешь, птица – ворон? - прогремел гром.

- Самую малость великий бог битв Один. Сделай меня человеком, чтобы я

хоть на миг приблизился к великим твоим воинам.

- Жди, да будет так, – И сверкнули молнии.

Просил ворон, дать ему умереть воином на поле брани, но перепил в тот день Один темного эля, и случилось то, что будут передавать вороны из поколения в поколения, пока жив вороний род.

Оказался поверженный вожак в теле воина на поле брани, но не военной, а любовной.

Ворон почувствовал неизведанную истому и опустошение, он прекрасным юношей отражался в глазах ослепительно красивой женщины.

Ее алые губы шептали слова восхищения и благодарности, и он захотел почувствовать вкус этих губ и припасть к ним долгим поцелуем, и это исполнилось.

Но это был смертельный поцелуй, ибо в миг наивысшего блаженства превращалась царица Ночи в огненную саламандру. Укус ее нес смерть.

Душа ворона отлетая, видела юношу, с кудрями, цвета вороньего крыла.

И даже шрам ворон признал, он был получен им в бою с вожаком стаи.

Так закончил свой земной путь ворон "Считающий годы".

Мгновение жизни подаренное богами старому ворону, затмило в его душе, все двести с лишним лет птичьей жизни.

И часто потом просили вожаки вороньего племени, богов подарить им этот миг блаженства. Но бочку с элем стерегла мудрая Фрия, а ее гневить, боялся даже муж, сам великий Один.

И никому из стаи, так и не случилось, получить от богов такой подарок. Поэтому в осенние, промозглые вечера рассказывают вороньята эту историю».

Нравилось Светлой смотреть в лики этих славных воинов, которые, словно дети малы, многие, приоткрыв рты, ждали чуда.

Луна прирастала после новолуния. И это давало людям силы.

Ведунья обошла костер и неожиданно остановилась около побратима конунга. Сколько щенков принесла твоя мокроногая? – спросила она его неожиданно.

- Семерых – прошептал он.

Кинула ведунья руну Одина, чистую, без щербинок, как новый месяц. И прокричала, так что слышно было в крепости: «Завтра, на седьмые лунные сутки. Один ждет вас на стругах».

Вся дружина побежала собираться в поход.

А Ведунью отвели в покои колдуньи Хрефны. Сама напросилась Оленюшка. Хотелось ей понять, что же случилось, что даже руны оставила колдунья в комнате. Комнатка была маленькая. Лавка узкая, девичья. Девка служка постелила Оленюшке шкуры и зажгла масляный ночник.

Не собиралась спать Оленюшка, хотелось ей увидеть прошлое хозяйки этой комнаты. Но веки вдруг внезапно потяжелели, и в тяжелом забытье упала ведунья на лавку.

Дверь тихо отворилась. И двое мужчин завернув девушку в покрывало

,вынесли ее из дома. Путь их лежал сначала к крепостной стене. А потом они открыли крышку схрона, и бережно спустили в подземелье свою ношу. Подземный ход выходил на верх у самой реки.

Очнулась Оленюшка от запаха жженой смолы. И пряностей неведомых. Напротив лавки, где она лежала, лежала незнакомая дева. Все, что в Оленюшке было светлого, было в незнакомой деве – темным. И волосы, и глаза, и даже кожа. Оленюшка вспомнила, что колдунья Хрефна, дочь пленницы из неведомой Нубии и лучника Хеймира. И еще увидела Светлая тень смерти-Марены за спиной колдуни. Молода была дочь неведомой страны и не больна, отчего же Морена ее выбрала?

Но тут открылась дверь, и вбежал человек. Вернее сначала его голова, огромная, на тонкой шейке, которую поддерживал жесткий каркас воротника. Человек был весь сед. Седые длинные волосы, седая борода. Ведунья попыталась пробраться к нему в душу, но карлик, а это был карлик, подбежал и поднес к носу девушки платок. Голова снова закружилась у Оленюшки и сон околдовал ее надолго.

На рассвете девушек вывели на палубу. Струг стоял посреди озера. В центре палубы стоял котел с белой жидкостью, Оленюшка ясно учуяла запах молока. А на помосте сидел карлик. Только теперь Оленюшка его разглядела. Маленькие крючковатые ручки и ножки. Пронзительный взгляд карих, на выкате глаз. И ногти, ужасные, видимо никогда не стриженные. Завернутые в спирали.

Первой к помосту подвели Хрефну. Подцепили на дыбу и повесили над котлом. И карлик негромко произнес – Та-тарар-тарабар-малук – тарбурук. И острым золотым кинжальчиком урод полоснул по рукам и ногам колдунью. В предрассветном воздухе запахло скотобойней.

Оленюшка закрыла глаза. И пока маг, или кто он был, сладострастно следил за рубиновыми каплями, падающими в молоко, ведунья влезла в его душу. Там был страх. СТРАХ. Перед небытием, пустотой, бессмысленностью. И еще огромные богатства увидела ведунья, сундуки полные самоцветов и золота, рабов, наложниц. Не было только любви. Вернее была, она умещалась в детскую ладошку, маленьким плодом черешни. Женщина, укутанная вся в черное, каждое утро выходила за ворота и жадно смотрела на дорогу, ждала. Сына? Нет брата, поняла ведунья.

Но не было уже времени смотреть в черную эту душу. Она уже видела, как Морена забрала душу чернокожей колдуни. И взмолилась Батюшке – Водяному: «Батюшка – Водяной. Ты, чьи сильные руки раскачивают это озеро, так что не видно луны на небе. Ты, в чьей бороде запуталась многие струги и лодки. К тебе взываю я, простая лесная дева. Не тебе ли приносила я каравай со свежее собранного хлеба, не тебе ли дарила венки из ромашек и лилий, и не тебе ли купаясь, я отдавала свою молодость и красоту. Помоги, Батюшка. Охрани от смерти лютой».

Вот уже и подвели Оленюшку к помосту, завязывают ей веревки окровавленные, да вдруг, как раздался гул несусветный, и из глубин морских, поднялся Водяной дракон. В свете поднимающегося солнца блестела,

переливаясь разноцветной радугой его прозрачная кожа. Дракон вытащил свой язык-водопад и слизнул : и мага – карлика, и , и гребцов. И махнул дракон крылом и понесся корабль к родным берегам .И остановился в устье родной реки . Вышла на берег Оленюшка уже без пут, и поклонилась Батюшке – Водяному.

-Что тебе дать , Батюшка – Водяной.

Водяной вышел из воды и облокотись о перила струга, усмехаясь, сказал: - -
- Дочек у меня и без тебя достаточно. Да цыц вы, – прикрикнул он на русалок и мавок радующихся в воде.- Вот тебе мое слово. Не ищи доли далеко от дома. Тут твоя судьба тебя и найдет.

И пошла Ведунья по тропинке в Заповедный лес, в свой одинокий дом..

-9-

Рябинушка.

Отполыхали лазоревым цветом летние зори, и по земле матушке сначала бодро, а потом устало, зашагала золотая осень.

Словно не озера сковало первым тонким ледком, а чья –то холодная рука сжала сердце и застило очи Оленюшки, безразличием и равнодушием.

Седую ленточку уже заплела в свои косы ведунья. Все реже ходила в городище. Слишком уж стало там шумно и суетно.

В первый день листопада, засватали в Полесье самую красивую девушку, дочь кузнеца ,Паслену,

А только проводили купеческих сватов, обещавших по первой пороше приехать уже на свадьбу, как слегла невеста. Жар сушил ее прекрасное девичье тело, утроба ее не принимала, не пищи, ни воды.

Об этом рыдая, поведала ведунье, не старая еще, жена кузнеца Доброслава. Они оба стояли перед Оленюшкой на коленях.

- Жданная? - спросила ведунья просителей.

- Свадьба?

- Да нет, дочь?

- Конечно ведь пятеро сынков, а тут такое счастье, ласковое, как солнце, поет, словно ручей бежит. А уж у печи.

Ведунья уже не слушала, неожиданно вернулась старая, как казалось зажившая рана: «А я вот нежданная, не любая, никому ненужная!» И с ужасом поняла, не волнует ее чужая боль, и помочь она не хочет. Она прошла в угол избы и срезала мешочек с корнем аира болотного, и протянула несчастным родителям.

- Крутым кипятком заваривать, по три раза пить на день.

- Мудрая, тебе, конечно, ведомы все тайны, но дочь наша не пьет и не ест. Все назад низвергается.

- Значит, по каплям вливать будете. - Оленюшка поняла: еще немного, и ей захочется вырвать языки у этих докучливых поселян.

Кузнец, первый понял, прочувствовал темную ведьмину силу. Он вскочил с колен и, подхватив жену под руки, ступил за порог.

Оленюшка бросила вслед ушедшим нож, которым срезала мешочек, острое лезвие зазвенело, воткнувшись в дверь.

Стала метаться по избушке ,хотелось выть, и она завывала словно раненая волчица , скоро вой ее пришел в поскуливание ,и зарывшись в теплое меховое одеяло , ведунья затихла .

К утру, злоба улеглась, сердце и душа были пусты. Не боль и не радость не волновали ведунью. Открыв дверь, и вдохнув свежий морозный воздух, Оленюшка обнаружила у крыльца лесные дары. Видно задабривали свою соседку лесные обитатели .Были тут :и свежая , серебристая плотва , и соты меда и даже веточка рябины.

Рябина, чудо-дерево ,с ягодами солнечного цвета, хозяйка леса. Ее слушаются и великаны сосны ,и капризная ива, растущая у воды. Лесные обитатели обходили место, где росла Рябина – хозяйка. Могла из-за своего крутого нрава повелеть ,и даже дядюшку Лешего засыпать листвой, так что и не выбраться тому после зимней спячки.

Часто разбирала ссоры в лесу между деревьями, вставая на сторону слабых и беспомощных. Так помогла она ,рябинушка, ольхе-сиротинке. У ольхи вырубил всю семью, пришлые лесорубы, вместо того чтобы шишки сбивать, срубили все деревья. Проспали ту беду и Леший, и Кикимора. Так матушка – рябинушка приказала ,и лесовички выкопали деревце и пересадили его поближе к Синему озеру.

Оленюшка с рябиной не сорилась. Собирала плоды в вересене, жарила их в печи на противне. Давала молодкам ,как защиту от бремени,или больным сердечным недугом .

Взяла в руки веточку ярких полыхающих огнем ягод ,и откусила одну ,и еще ..Горьковато-сладкий вкус ягод словно вернул память, и ведунья заспешила в дом ,бросила в очаг сушеной сон-травы .

В магическом дыме она увидела, то, что и ожидала, заостренный носик, впалые щеки и потрескавшиеся от горячки губы.

-Жива Паслена, –устало подумалось ведунье .- Значит еще успею помочь. Дым расселся, Светлая очнулась, зачерпнула водицы и плеснула себе в лицо. Ведунья поспешила в лес. А в лесу творилось ,что то невероятное .Выл в верхушке сосен ветер ломаая ,почти уснувшие ветки ,А опавшая листва закружила девушку ,ослепила. Ведунья поняла, сегодня дядюшка Леший веселиться пред зимней спячкой. Простому смертному в лес не ходи, пропадешь.

Оленюшка топнула ножкой в алом сафьяновом сапоге, подарок подруженьки Преславы ,а Леший и не думает останавливаться .

-Дядюшка, да зря силы тратишь, или мало даров тебе поселяне принесли, что так гневаешься.

Ветер стал стихать, листва медленно оседала на землю. Дядюшка появился весь склоченный и улыбающийся во весь свой беззубый рот.

- А, как то я их? Пусть помнят. А вот захочу и вообще спать не уйду.

Сказывали мне, что в дальних Муромских лесах такой уже порядок.

- Да твоя воля, только хозяйку – рябину сначала спроси.

- А вот и спрошу ,пряма щас и покачусь.

- Да вместе и пойдём, у меня к ней дело.

Леший покотился шаром, только его и видно.

А Ведунья долго пришлось идти, далеко забралась Хозяйка леса.

Росла рябинушка на поляне окруженной вековыми корабельными соснами-стражами леса.

Поклонилась ведунья рябине, и спросила разрешения не только веток с ягодами набрать, но и деток рябинушки людям подарить. Чтобы дома от сглаза оберегали, а ягоды силу и здоровье даровали.

Собрала ягоды при помощи старых знакомых сестер-кикимор, и, до самого края леса помогли они ветки и деревца донести.

Спросила Ведунья телегу в крайнем доме, и конечно отказа не встретила.

Младший сынок хозяев с ведуньей был в помощь отправлен. И вот уже и телега в кузнецовый двор въехала.

Во дворе дома кузнеца, словно вороны беду клича, сидели бабки, в белых скорбных платах.

Выгнала ведунья всех из светелки, и обложив девушку ветками рябиновыми, пошла варить рябиновый настой. По пять раз меняли рубаху на болящей невесте, с потом уходил сглаз из молодого тела. И к утру порозовели щеки у девицы и заснула она, сном –целителем, сном –помощником.

А ветки рябиновые сожгла ведунья во дворе.

-Что хотите ведать, кто порчу на ваше чадо навел?

Кузнец тяжело вздохнул, а жена его горько улыбнулась и промолвила: «Нам беды желать никому не хочется, тому человеку, его душа черная уже в наказание».

- Простить?- снова спросила Оленюшка.

- Прощаю,- проговорила мать.

- Прощаю, - прошептал кузнец.

-Ну что же, в благодарность посадите вот этих детушек рябинушкиных в каждом саду. Я с дочерью вашей побуду, а вы, да снохи, и внуки пусть трудятся.

Так появилась в Полесье в каждом дворе по рябинушке.

И на свадебный пир позвали ведунью, да только не пошла она. Не могла слов материнских забыть: «тому человеку, его душа черная уже в наказание».

А как остаться ведуньей и не стать ведьмой, про то у кого совета или помощи просить Оленюшка не знала.

И каждый год праздник стали справлять рябинник, двадцать третьего вересня, время созревания и заготовки рябиновых плодов, которое на Руси становилось праздничным событием. В этот день рябиновыми веточками с плодами украшали жилища, развешивали их под крышами, так как считалось, что рябина способна защитить человека от всяких бед, ее даже прятали в карманах одежды от «дурного глаза».

Появились и на Руси песни о рябине

Ты рябинушку люби, У крыльца ее сади,

Студеной водой не поливай,

из кадушек лей - Будут ягоды красней.
После Мороза срывай
Да жадной не будь - Птицам оставляй.
Как родится ребенок — рябину сажай,
За ней улаживай, поливай, Она твой век переживет,
Славу роду принесет.
Силу у рябин бери Да добрым людям дари.

-10-

С судьбою рвется нить.

Зима прошла для ведуньи, как один длинный сон. Одолевала душу, пустота и маяла сердце неясная тревога. словно кто-то издалека звал Оленюшку, а голоса не слышно.

Когда в лесу появились первые проталины, наведлась к Оленюшке кикимора Пушица. Распахнула дверь в избу и ужаснулась. На лавке лежала старуха со спутанными волосами, одна тень, стала от прежней, молодой девушки.

Позвала кикимора сестру Купальницу и вместе вывели они ведунью под яркое солнышко, Расчесали ей косы костяным гребнем.

Отпаивали Оленюшку березовым соком. Ведунья молчала, словно, кто заклятье наложил ей на уста, а на очи плат накинул.

Весеннее солнце позолотило кожу, заискрились отмытые в дождевой воде волосы русые. Но желания жить в ведунье не прибавилось. Тогда сделали сестренки-кикиморы из веток волокушу и повезли подружку к Сине озеру.

А на озере кипела жизнь: юркие уточки вили гнезда в камышах, резвилась под теплым солнышком плотва, по ночам выходили на берег русалки и пели грустные песни. Даже дядюшка Леший нет, нет, да и смахивал слезу от тех песен. Только ведунья словно зачарованная, была холодна и равнодушна.

-Вот ведь беда, так беда. Видно сухота ее за зиму изъела. Жизнь не в радость, тьма в душе. Ждать нам видно перерождения красавицы.

- Ой, неужто, и помочь нельзя,

- Да как тут поможешь, милые, видно прямая ей дорога в бабы-яги.

- Была ведунья Светлая, а станет ведьма.

Построили подружки лесные для Оленюшки шалаш, да и разбежались по своим лесным делам.

Чурались даже звери лесные ведунью, словно порчей заразиться боялись.

Хотела ведунья волчат на Ярилин день подкормить, да Волчок со своей рыжей волчицей к ведунье и близко не подошли.

Но случаются чудеса в заповедном лесу. На рассвете на тихую гладь озера опустилась лебединая стая .

Словно на мгновение, зима вернулась в заповедный лес. Укрыла берега легким белоснежным пухом, а воду озерную белым покрывалом.

Красота лебединая, трубный крик, пробудили Оленюшку от оцепенения.

Подбежала она к самой кромке воды и протянула к птицам руки, и молила

взять с собой в дальний путь.

В шуме множества крыл услышала ведунья, слово прощальное: «Грусть твою, дева лесная забираем с собой, чтобы утопить ее в самом глубоком озере. Живи!!»

Белокрылые птицы одна за другой вставали на крыло, а ведунья бросилась в воду, словно могла вода родного озера превратить ее в гордого лебедя.

Омыла тело свое в озере, и словно наново на свет народилась.

Лес засиял яркими красками, мир наполнился звуками, в крови забродила Весна.

А тут уж и сбор трав поспел. И рвала она траву лечебную, да приговаривала: «Небо-отец, Мать сыра Земля, помоги нарвать травки ради всякого угожья, ради всякого здоровья».

Только хотела одуванчик сорвать, да окликнули ее.

- Ты чего здесь ходишь, силки мои рвешь?

Оленюшка подняла голову и увидела чадо, зим семи не больше. Чадо, как чадо, в рубашонке, небеленой. Самым примечательным были у мальчика волосы. Тут и пегий, и рыжий, и каштановый цвет. Как будто и не мальчонка, а котенок.

-А кто тебя такого малого в лес отпустил.

-Дядька голод позвал, иди, говорит, Найден и поймай зайца, а то брюхо песни поет, да спать не дает.

- Да не серчай, я вот травки нарву, и уйду себе дальше,

- Нет, заяц тебя учуял, ни за что не прискачет.

Ведунья прислушалась к лесу и услышала заячью возню в зарослях осинника.

- Ты туда силки ставь, как прыгнет косой из осинника, тут и попадетя.

- Не учи ученого, я так сразу сделать хотел, да ты меня спугнула.

Хмыкнул мальчонка, да и пошел к кустам. Скоро в силках заяц заверещал.

Оленюшка села на пенек, интересно было ей, как чадо с зайцем справиться.

Ничего справился, хоть и был русак почти в пол-роста отрока.

-Ну чего расселась, помоги шкуру снять.

-Ну, уж нет, охотничек, сам поймал, сам и разделывай.

- А чего ты по лесу шастаешь Я тебя у нас в городище не видел.

- А ты что всех там знаешь?

-Нет не всех, но такую красоту непременно бы запомнил. Ладно побег я, как звать то тебя

- Светлая.

-Та самая? Ведаешь, и лекарка?

- И это тоже

-Тогда жди в гости.

И побежал по тропинке к деревне, сверкая босыми пятками.

Еще долго вспоминала она эту встречу, и невольная улыбка озаряла ее лицо.

Оленюшка пришла из дальней дороги, вправляла ногу своему давнему знакомому – Огоньку, Так притомилась, что и вечерять не стала, и уснула до

самого рассвета.

Утром открыла дверь, в лес идти, чтобы умыться первой утренней росой, а тут и новый знакомый, чадо шустрое.

- Здравствуй. Вот лечи. - И подтолкнул к ведунье отца.

Невысокий, жилистый, борода курчавится недлинная, На кожаном ремешке есть несколько украшений-пряжек в форме медвежьих голов. А к поясу прицеплен нож и песчаник - специальный камень для заточки лезвия .

-Покажь, тятя! - просяще ,обратилось чадо к отцу.

Мужчина протянул ведунье руки. Все ладони были в шрамах , в старых белеющих , и в розовых ,недавних.

Легкий ветерок разворошил кудри, и увидела ведунья пустые глазницы.

Присели гости у избы на скамейку, угостились квасом ,и поведал Дубрав свою нелегкую судьбину.

Родился Дубрав на берегу холодного Варяжского моря, рос не по годам смышленным и рослым, и больше всего, полюбилось ему у отца, бочки делать.

Не раз и не два приходили к отцу слуги воеводские просили отдать отрока в службу ратную, но ушел Дубрав из родного дома не в ратники, а уплыл в дальнюю свейскую сторону, учиться делать корабли. Учился у мастеров, как дерево в лесу выбирать, как с ним обращаться, чтобы не пересушить.

Больше всего полюбилось мастеру с дубом работать. Сначала прощения просить у лесного великана, потом сулить жизнь новую и веселую.

У лучших мастеров, примечал, как дерево расщеплять, как доски правильно сушить над огнем. Как с помощью деревянных стяжек из заготовок собирать в единое целое и дракар для конунгов, и ладьи для купцов.

Стал мастером, но жениться, не торопился, ждал часа на родные берега вернуться.

Так случилось, что один из ярлов ушел на новые земли искать доли в соседних землях. Попросился Дубрав с ним.

В одном из городищ на большой и славной реке было выпито ярлом с местным воеводой много ромейского вина, И к утру ударили по рукам, выторговал воевода за обруч серебряный свободного корабельного мастера. Ярл обещался летом побывать в этих краях и отвезти мастера в его родные приморские земли.

Воевода Гроздан приказал мастеру сделать ему струг, каких не было даже у конунгов свейских.

Корабельщику такая работа в радость, построить корабль морской с самой первой доски.

Выбирая дерево для струга, подобрал в лесу мальчонку. От кого прятался мальчик было не ясно, но чадо обнял мужчину за шею ,зашептал : «Тятя ,тятя».И дрогнуло одинокое сердце. Так у Дубрава появился сынок - Найденыш. Не плаксивый, не боящийся ни мороза, ни жары.

Корабельщик струг решил украсить змеем крылатым о трех головах, слышал о нем в песнях бояна.

Канаты обрубали и струг шумно покатился по бревнам прямо в реку. мастер Иван стоял на корме с самым знатным кормщиком и радовался .Корабль

вышел из устья реки в открытое море. Слушался руля, словно хорошая жена мужа. Теперь уже мастер хотел по возвращении поставить дом, да искать себе любовь по душе, мать сынку приемному.

В темную грозовую ночь причалил корабль к родному теперь для Дубрава берегу. Стража Воеводина всех со струга отпустила, окромя мастера. Ничего не понял он, как схватили его да скрутили, и сам воевода Гроздан, острым клинком ослепил корабельщика. Чтобы никому больше не строил кораблей. Посадили чадо и отца в лодку, и пустили по бурной, гремящей от бури реке. Но Водяной, восхищенный мастерством корабельщика, погнал челнок к устью Живки, и там до самого Полесья, плыла утлая лодочка, пока не прибилась к городищу.

Там мастер начал заново учиться ходить, есть, и самое главное снова из дерева мастерить. Сначала ложки, которые руки еще с детства помнили, потом и коньки резные на крыши делать. Чадо ходило в лес и на охоту, и за грибами ягодами. Да добрые хозяйки не обходили отца с сыном вниманием, делились хлебом.

Дала Оленюшка травку подорожник и смолы-живицы для ран на руках, а вот как душу излечить про то еще не ведала.

Но стал сниться Дубрав ей каждую ночь, то синими очами ласково взглянет, то зелеными. Понимала ведунья, нет у нее такой силы, чтобы желанному помочь. Но сердце не хотело верить и пошла она на поклон к Бабе –яге.

На краю мертвого сухостоя жила та, всеми проклята, да забыта.

Открылась колдунья вся без остатка, хитрить не имело смысла.

- Вот и ты уйдешь к людям. Чую идут времена темные, для люда лесного опасные.

- Есть ли средство помочь?

- Страх в тебе не вижу, потому что проснулась ты для Любви и жизни новой.

Не имею я такой силы, милая. Идти тебе надобно к Веденеевским пещерам, к слуге Волосову, кудеснику. Уж поможет не знаю, но кроме него, некому.

О кудеснике или волхве ведунья не слышала, простому люду к нему ходить не по чину, да и не волновали его мелкие дела мирские.

Три раза Ярило рождалось и умирало прежде добралась Оленюшка до пещеры кудесника.

День клонился к вечеру, и на небе уже показалась Волчья звезда, а из пещеры никто не выходил. Когда месяц уже поднялась над верхушками деревьев, показался, наконец - то старец.

Седая борода до земли, власы седые, к опояске бубен подвешен. Поклонилась ведунья ему до земли: «Не ведаю имени твоего великомудрый старец, я простая лесная дева Оленюшка»

- Зови меня Ведогость, ибо все мы странники на этой земле.

- Ведогость, помоги моему горю-печали.

- Да разве то горе, что очи не видят, зато руки и ноги целы у князя твоего сердца.

- То правда твоя, но душа его сохнет не от немощи телесной, а от печали, что

не может он делать, то что дороже ему жизни – корабли.

-То ведаю, и помочь могу. Все обскажу как сделать, а там уж, как Доля твоя поможет. Получится: и мне слава, и тебе счастье. А нет, так и канешь в забвенье.

Получила ведунья зелье и крепко–накрепко запомнила, что делать дальше. Позвала Найденыша в гости и сказала мальцу, что так надо делать, как она обскажет. Помощь де отцу будет.

Попросила ведунья дядюшку Лешего покараулить всю ночь, чтобы никто не потревожил колдовства.

- Выпей зелье, да Расскажи мне про ваш путь с отцом на «Змее Горыныче» обратно в городище.

Найден, без страха выпил зелье, и начал рассказывать, как хлестал ветер в лицо дождем. Как отец стоял на носу и молнии освещали его счастливое лицо, как горели в темноте его очи, восхищенные своим детищем – кораблем.

Скоро веки чада отяжелели, и он сладко зевнув, опустился на лавку.

Оленюшка оставшиеся зелье выпила и прилегла рядом.

И зашептала заклинание:

«Душа моя птица, выпорхни на волю, поменяй свою долю.

Вот тело чадово, в него войди, его душу на ночь в мое тело прими.

Отец Сварог, мать Макошь, дай мне над Долей мою волю.

Боже Велес поверни время вспять, чтобы побороть напасть..»

Голова у Оленюшки закружилась и увидела она лик Ведогостя, дунул ей старец в лицо, и под звон его бубна очнулась Оленюшка от мокрых, холодных брызг. Она была мальчиком Найденем .И увидела гордо стоящего рядом с кормчим Дубрава .

- Тятя, чую беду неминуемую, давай челн спустим и к берегу поплывем!

- Не бойся сынок, вон какой мой корабль могучий, выдюжит!

- Тятя, тятя, нам беду чую. Не от хозяина Водяного, а от воеводы. Слышал, как шептались вои, что убьют нас, как только к берегу пристанут.

Взглянула Оленюшка - Найден в глаза мастера, синие, словно озеро в Полесье, и схватив за руку, потянула к челноку. Дубрав уже за сыном к челну заспешил, но ударился отрок о борт челна и заверещал ,как поросенок.

Прибежали воеводины слуги и связали мастера.

А ведь не плакал и боли не боялся до этого чадо.

Но уже вставало, Ярило солнышко и под первыми его лучами колдовская сила иссякла .

Оленюшка очнулась в своем теле. Посмотрела внимательно на просыпающегося мальчонку.

Вот отчего он леса то один не боялся. Свой он, лесной. Лиха одноглазого дитеныш, потерялся или осиротел. А не признала она его за лесного духа, видно совсем малышом потерялся, и среди людей больше жил, чем в лесу.

Или морок кто-то навел, против Лиха одноглазого зло умыслил, сынка отобрав. Ничего она не сказала Найдену.

И на следующую ночь снова пили они зелье колдовское, но переборола душа

ведуньи, лихо. Кинулась за борт в холодные воды реки ,а отец названный , за ней. Потом, не давая мастеру остановки, бежали они всю ночь, пока не упали уставшим, и уснули.

А в Полесье в своем доме очнувшись ведунья, подхватила чадо на руки и побежала на встречу судьбе своей, Дубраву.

Встретились по полудни .Спали еще уставшие беглецы ,опустила ведунья чадо на землю и увидела ,как растаял его близнец ,что спал прижавшись к спине мастера.

Пока мужчины спали, собрала она хворосту да грибов обжарила на веточках. НА дух грибной пришел хозяин леса медведь.

-Батюшко – медведь ты всех в лесу знаешь, где Лихо одноглазое? Вот чадо его потерянное.

И протянула медведю веточку с грибами.

Заурчал довольно зверь лесной и, отведав угощения, заспешил в лес.

Скоро зашумел ветер в кронах, затихла птицы в чаще.

На поляну примчалось Лихо одноглазое.

Но тут и Найден проснулся, и Дубрав. Учужало Лихо сынка своего, подхватило на руки и унеслось в чащу заповедную, только ветки с деревьев посыпались.

Встал Дубрав - корабельщик во весь рост, развернул богатырские плечи и взглянул в очи Оленюшкины. А глаза у суженного синее самого майского неба, ярче звезд на небе. Поднялись руки ведуньи ,как два крыла лебединых и обняли любого за шею, подхватил он Оленюшку на руки :

- Никому не отдам, лебедушка ты моя, белая.

И одел ожерелье е на шею из Алатырь –камня ,морского. То ожерелье до срока прятал под сорочкой.

На этом заканчивается повесть о ведунье Оленюшке, поменявшей свою долю. Была простая девчонка, стала ведуньей. А счастье нашла женой и матерю в доме мужа любого.

И был пир на весь частной мир, Бояна звали ,песни о деве слагали, да по свету те песни дарили, всем добрым людям на веселие ,а кто помоложе в назидание. Каждый своей Доле хозяин, если смел, добр и честен, сердцем и душой.

Особая благодарность Любви Медведевой за «Песню о Валькирии».
Мприи Семеновой за ее книги ,как источник вдохновения!